

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ЛЕБЕДЕВ против РОССИИ

(Жалоба № 4493/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

25 октября 2007 г.

Настоящее постановление вступит в законную силу при выполнении условий, установленных в Статье 44 § 2 Конвенции. Оно может подвергнуться редакторской правке.

В деле Лебедев против России,

Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседающая Палатой в составе:

Господина К.Л.РОЗАКИСА, *Президента,*
Господина Л.ЛУКАИДЕСА,
Госпожи Н.ВАЖИЧ,
Господина А.КОВЛЕРА,
Госпожи Е.ШТАЙНЕР,
Господина К.КАДЖИЕВА,
Господина С.Е.ЙЕБЕНСА, *судей,*

и господина С.НИЛЬСЕНА, *Секретаря секции,*

Рассмотрев в закрытом судебном заседании 4 октября 2007 г.,

Выносит следующее постановление, принятое в указанную дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 4493/04) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином России, господином Платоном Леонидовичем Лебедевым («заявитель»), 22 января 2004 г.

2. Заявитель был представлен практикующими в Москве адвокатами госпожой Е.Липцер и господином Е.Бару, практикующим в Страсбурге адвокатом господином В.Пойкертом, и практикующими в Торонто адвокатами господами Амстердамом и Перовым. Правительство-ответчик было представлено господином П.Л.Лаптевым, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что с 31 марта по 6 апреля 2004 г. его предварительное содержание под стражей не было основано на судебном решении; что заседания по мере пресечения 3 июля, 26 декабря 2003 г. и 8 июня 2004 г. не предлагали достаточных процессуальных гарантий; что исследование его жалоб на постановления о продлении срока содержания под стражей от 26 декабря 2003 г. и 6 апреля 2004 г. заняло слишком много времени. Заявитель также утверждал, что Правительство не соблюдало свои обязательства по Статье 34 Конвенции в отношении того, что его адвокат не могла встретиться с ним с 22 марта по 12 апреля 2003 г. [так в оригинале – прим.перев.].

4. 6 апреля 2004 г. Суд решил предоставить приоритет данному делу в соответствии с Правилем 41 Регламента Суда. Решением от 18 мая 2006 г., Суд признал жалобу частично приемлемой.

5. И заявитель, и Правительство представили письменные меморандумы (Правило 59 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель родился в 1956 г. и в настоящее время отбывает наказание в виде лишения свободы в исправительном учреждении ФГУ ИК-3, расположенном в поселке Харп Ямало-Ненецкого округа.

A. Предварительное содержание заявителя под стражей

1. Задержание заявителя

7. Во время нижеописанных событий заявитель являлся одним из ведущих руководителей ЮКОСа, одной из крупных нефтяных компаний. 20 июня 2003 года прокуратурой было начато следствие по подозрению в мошенничестве, совершенном в ходе приватизации одной из государственных компаний в 1994 году группой топ-менеджеров ЮКОСа и аффилированных с ним компаний. В течение следующих месяцев некоторые из них, включая бывшего руководителя ЮКОСа господина Ходорковского, были задержаны, и им были предъявлены обвинения. Остальные из боязни подвергнуться судебному преследованию покинули Россию.

8. 2 июля 2003 года заявитель был госпитализирован по поводу имевшихся у него хронических заболеваний. В тот же самый день в больнице заявитель был задержан сотрудниками прокуратуры в качестве подозреваемого по вышеупомянутому уголовному делу. Он был доставлен оттуда в следственный изолятор.

9. 3 июля 2003 года прокуратура предъявила обвинения заявителю и двум другим лицам в мошенничестве и неисполнении судебного решения. Прокуратура утверждала, что в 1994 году заявитель совершил мошенничество в отношении Государства: он купил пакет акций крупной горнодобывающей компании на приватизационном аукционе, но не осуществил ответных инвестиций в компанию, несмотря на то, что таковы были обязанности победителя аукциона. Более того, позднее заявитель не исполнил судебное решение, предписывавшее ему вернуть пакет акций данной компании Государству.

10. Адвокаты заявителя возражали против задержания и настаивали на том, что по состоянию здоровья заявитель не мог находиться под стражей. В тот же самый день, 3 июля 2003 года, прокуратура заявила в Басманный районный суд г. Москвы ходатайство об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу.

2. Постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу

11. Заседание по мере пресечения должно было начаться 3 июля в 16.30. Заявитель просил суд отложить разбирательство, чтобы предоставить его адвокатам возможность участвовать в нем. Суд отклонил данный запрос на том основании, что адвокаты были должным образом проинформированы о разбирательстве, но не явились на него. Суд решил провести разбирательство в закрытом режиме.

12. По словам адвокатов заявителя, они узнали о времени проведения разбирательства за один час и 40 минут до его начала. Когда они прибыли в суд, то не смогли принять участие в разбирательстве, поскольку судья запер дверь и отказался ее открыть.

13. Заслушав заявителя и обвинение, суд вынес постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Период заключения под стражу в решении суда указан не был. В отношении отсутствия адвокатов в рассмотрении, суд отметил:

«Заявление [заявителя] об отложении принятия решения по данному ходатайству следователя для предоставления возможности участия в рассмотрении ... [адвокатов] суд считает не обоснованным и не подлежащим удовлетворению, поскольку суду органами предварительного следствия представлены документы, подтверждающие заблаговременность уведомления [защитников] о времени и месте рассмотрения ..., а именно [они] были уведомлены 03 июля 2003 года в 14 часов 52 минуты о том, что 03 июля 2003 года в 16 часов 30 минут в Басманном районном суде будет рассматриваться [ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу]. Фактически, судебное заседание ... началось 03 июля 2003 года в 17 часов 50 минут, однако до данного времени [адвокаты] так и не явились, уважительных причин своего отсутствия суду не представили...»

14. Защита обжаловала данное постановление, однако 23 июля 2003 года Московский городской суд оставил его в силе. Адвокаты заявителя присутствовали на разбирательстве по жалобе; заявитель отсутствовал. На заседании обвинение представило дополнительные свидетельства в пользу содержания [заявителя] под стражей. Суд кассационной инстанции обосновал свое решение следующим образом:

«[представленные прокуратурой] сведения о наличии у [заявителя] трех заграничных паспортов; о переводе им большей части денежных средств в иностранной валюте на ... карточки, эмитированные в иностранных банках; о

наличии у него в собственности объектов недвижимости за границей и нахождении его основного бизнеса за пределами РФ, что не оспаривалось и адвокатами [заявителя] на заседании судебной коллегии, а также положение [заявителя], который является руководителем нескольких коммерческих банков, и его международные связи подтверждают обоснованность вывода суда [первой инстанции] о том, что [заявитель], находясь на свободе, может скрыться от следствия и суда, оказать воздействие на ... свидетелей по делу, уничтожить доказательства по делу, иным образом препятствовать производству по делу ...»

Кроме того, суд кассационной инстанции признал, что адвокаты заявителя были должным образом извещены о времени заседания в районном суде, но не явились вовремя. Суд отметил, что адвокаты заявителя были уведомлены о заседании в помещении Генеральной прокуратуры, расположенном недалеко от здания Басманного районного суда. У адвокатов имелось 3 часа для прибытия туда, однако, они не прибыли вовремя. Следовательно, у судьи были все основания не впускать их «поскольку судебное заседание уже началось и было закрытым для не участвующих в нем лиц».

15. 20 августа 2003 года следствие было закончено. 22 августа 2003 года заявитель и его адвокаты начали знакомиться с материалами обвинения.

3. Продление срока содержания под стражей в период следствия

16. Прокуратура трижды подавала ходатайства в Басманный суд о продлении срока содержания заявителя под стражей, чтобы дать ему возможность ознакомиться с материалами обвинения. 28 августа 2003 года суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 30 октября 2003 года. Защита обжаловала данное постановление, однако жалоба была отклонена Московским городским судом 15 октября 2003 года.

17. 28 октября 2003 года суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 30 декабря 2003 года. Жалоба защиты на данное постановление была отклонена Московским городским судом 23 декабря 2003 года.

18. 26 декабря 2003 года суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 30 марта 2004 года. Суд повторил основания для содержания под стражей, сформулированные в постановлении об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу 3 июля 2003 года. Заседание 26 декабря 2003 года было закрытым.

19. 30 декабря 2003 года адвокат заявителя, а 9 января 2004 года сам заявитель подали жалобы на постановление от 26 декабря 2003 года. По словам Правительства, протокол судебного заседания от 26 декабря 2003 года был изготовлен 5 января 2004 года. Однако, адвокатами заявителя он был получен в секретариате только 14 января 2004 г. Заявитель утверждал, что протокол поступил в канцелярию Басманного районного суда лишь спустя 3 недели после судебного

заседания. По словам Правительства, 22 января 2004 г. суд получил замечания адвоката заявителя на протокол судебного заседания; в тот же день он их отклонил, подтвердив правильность протокола. 23 января 2004 года адвокат заявителя, а 5 февраля 2004 года сам заявитель подали обоснованные жалобы на постановление от 26 декабря 2003 года. 9 февраля 2004 года определение от 26 декабря 2003 года было оставлено в силе Московским городским судом.

4. Содержание заявителя под стражей в ходе судебного процесса

20. После окончания ознакомления заявителя с материалами обвинения, 26 марта 2004 года прокуратура направила дело в Мещанский районный суд г. Москвы для судебного разбирательства.

21. 6 апреля 2004 года Мещанский суд назначил предварительное слушание на 15 апреля 2004 года и решил, что до этого времени заявитель должен оставаться под стражей. Никакого обоснования данного решения приведено не было. Представляется, что заявитель в заседании не присутствовал, но присутствовали его адвокаты.

22. 12 апреля 2004 года адвокат заявителя по почте подал жалобу на данное решение, обосновывая ее тем, что суд не заслушал заявителя и не привел никакого обоснования для своего решения.

23. 15 апреля 2004 года адвокат заявителя подал в суд ходатайство об освобождении заявителя, поскольку с 30 марта 2004 года, когда истек срок его содержания под стражей, по 6 апреля 2004 года, когда суд принял дело к рассмотрению, не было никакого судебного решения, санкционирующего содержание его под стражей. В тот же самый день, 15 апреля 2004 года, суд отклонил данное ходатайство на том основании, что прокуратура вовремя направила дело в суд, и в этот момент заявитель был перечислен за судом. Суд также решил, что заявитель должен оставаться под стражей на время суда. Суд обосновал это решение теми же самыми причинами, которые были приведены в постановлениях по мере пресечения в 2003 году. И заявитель, и его адвокаты присутствовали на заседании 15 апреля 2004 г.

24. 22 апреля 2004 года Московский городской суд получил направленную по почте жалобу адвоката заявителя на постановление от 6 апреля 2004 года (см. выше пункт 22). 26 апреля 2004 года суд направил ее в прокуратуру для представления возражений. 14 мая 2004 года суд получил возражения прокуратуры и гражданского истца. 20 мая эти возражения были получены защитой. В неуказанную дату суд назначил слушание на 27 мая 2004 года. 26 мая 2004 года адвокат заявителя подал дополнительную жалобу. Суд направил эту дополнительную жалобу в прокуратуру для представления возражений. Получив эти возражения, суд назначил слушание на 9 июня 2004 года.

25. 8 июня 2004 года Мещанский суд провел предварительное слушание по уголовному делу Ходорковского и Крайнова, обвиняемых заявителя. В ходе этого слушания суд решил объединить дело заявителя с делом его обвиняемых, назначил дело к рассмотрению и подтвердил, что заявитель должен оставаться под стражей. Суд также постановил, что судебный процесс должен проходить в открытом режиме. Заявитель и его адвокаты на данном слушании не присутствовали, хотя сторона обвинения присутствовала.

26. 9 июня 2004 года Московский городской суд отклонил жалобы заявителя на решения от 6 и 15 апреля 2004 года. Городской суд подтвердил законность содержания заявителя под стражей с 30 марта по 6 апреля 2004 г.; он также определил, что постановления от 6 и 15 апреля были законными.

27. 29 июля 2004 года Московский городской суд отклонил жалобу заявителя на решение от 8 июня 2004 года. Адвокаты заявителя присутствовали на данном слушании, но сам заявитель отсутствовал. Городской суд вынес решение о том, что постановление Мещанского районного суда о продлении срока содержания под стражей соответствует положениям УПК и основано на материалах уголовного дела. Кроме того, городской суд получил медицинскую справку по поводу господина Лебедева от врача СИЗО, который описал состояние здоровья заявителя как «удовлетворительное». Суд кассационной инстанции пришел к выводу, что заявитель должен оставаться под стражей на время суда.

28. На заседании 10 сентября 2004 г. государственный обвинитель ходатайствовал о продлении срока содержания заявителя под стражей до 26 декабря 2004 г., хотя предыдущее постановление о мере пресечения истекло 26 сентября 2004 г. Защита возражала, однако суд удовлетворил данное ходатайство и продлил срок содержания заявителя под стражей. Основания, приведенные районным судом в его постановлении от 10 сентября, повторяли основания, указанные в постановлении от 15 апреля 2004 г. (см. выше пункт 23). В течение последующих месяцев срок содержания заявителя под стражей неоднократно продлевался Мещанским районным судом.

29. 16 мая 2005 года Мещанский районный суд признал заявителя виновным и приговорил его к 9 годам лишения свободы.

В. Посещения адвокатами заявителя в СИЗО

30. 4 декабря 2003 года и 22 марта 2004 года адвокат заявителя господин Бару посетил заявителя в СИЗО. В ходе визита заявитель передал ему записи, касающиеся судебного процесса. На выходе из СИЗО господин Бару был остановлен охраной, которая конфисковала эти записи. Позднее данные записи были возвращены прокуратурой.

31. 22 марта 2004 года другой адвокат заявителя госпожа Липцер была назначена представлять заявителя в [Европейском] Суде. 23 марта 2004 года она попыталась посетить заявителя в СИЗО. Администрация СИЗО отказала в посещении на том основании, что у госпожи Липцер не было ордера на представление заявителя во внутренних судах. В последующие дни госпоже Липцер было отказано в доступе к ее подзащитному; однако, согласно журналу, ведущемуся в СИЗО и представленному Правительством, заявитель встречался с другими своими адвокатами. В частности, господин Бару посещал его 30 марта, 1 и 2 апреля 2004 г. и с 5 по 9 апреля 2004 г. 12 апреля 2004 года госпожа Липцер получила соответствующий ордер и была допущена к заявителю. Позднее она подала заявление по данному факту в Преображенский районный суд, однако 26 апреля 2004 года данный суд объявил, что данное заявление ему неподсудно. В целом, в ходе рассматриваемого периода заявитель встретился с госпожой Липцер около 20 раз.

II. ОТНОСИМОЕ ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

32. Пункт 2 статьи 22 Конституции Российской Федерации предусматривает, что содержание под стражей допускается только по судебному решению. Без судебного решения лицо может быть подвергнуто содержанию под стражей на срок не более 48 часов.

33. Уголовно-процессуальный кодекс 2001 года предусматривает:

Статья 108. Заключение под стражу

«1. Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения...

...

3. При необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу ... следователь и дознаватель возбуждают перед судом соответствующее ходатайство...

4. [Ходатайство] подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда ... с участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника, если последний участвует в уголовном деле, по месту производства предварительного расследования либо месту задержания подозреваемого в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд.... Неявка без уважительных причин сторон, своевременно извещенных о времени судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения ходатайства [об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу], за исключением случаев неявки обвиняемого».

...

7. Рассмотрев ходатайство [об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу], судья выносит одно из следующих постановлений:

- 1) об избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу;
- 2) об отказе в удовлетворении ходатайства;
- 3) об отложении рассмотрения ходатайства на срок не более 72 часов для представления запрашивающей стороной дополнительных доказательств в поддержку ходатайства».

Статья 109. Сроки содержания под стражей

«1. Содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца.

2. В случае невозможности закончить предварительное следствие в срок до 2 месяцев и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения этот срок может быть продлен судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня в порядке, установленном частью третьей статьи 108 настоящего Кодекса, на срок до 6 месяцев. Дальнейшее продление срока может быть осуществлено в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела и при наличии оснований для избрания этой меры пресечения судьей того же суда по ходатайству следователя, внесенному с согласия прокурора субъекта Российской Федерации до 12 месяцев.

3. Срок содержания под стражей свыше 12 месяцев может быть продлен лишь в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, судьей по ходатайству следователя, внесенному с согласия Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя, до 18 месяцев.

4. Дальнейшее продление срока не допускается. ...»

Статья 110. Отмена или изменение меры пресечения

«1. Мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает необходимость, или изменяется на более строгую или более мягкую, когда изменяются основания для избрания меры пресечения ...

2. Отмена или изменение меры пресечения производится по постановлению дознавателя, следователя, прокурора или судьи либо по определению суда.

3. Мера пресечения, избранная в ходе досудебного производства прокурором, а также следователем, дознавателем по его письменному указанию, может быть отменена или изменена только с согласия прокурора».

Статья 123. Право обжалования

«Действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда могут быть обжалованы в установленном настоящим Кодексом порядке участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы».

Статья 227. Полномочия судьи по поступившему в суд уголовному делу

«1. По поступившему уголовному делу судья принимает одно из следующих решений:

- (i) о направлении уголовного дела по подсудности;
- (ii) о назначении предварительного слушания;
- (iii) о назначении судебного заседания.

2. Решение судьи оформляется постановлением...

3. Решение принимается в срок не позднее 30 суток со дня поступления уголовного дела в суд. В случае, если в суд поступает уголовное дело в отношении обвиняемого, содержащегося под стражей, судья принимает решение в срок не позднее 14 суток со дня поступления уголовного дела в суд...»

Статья 228. Вопросы, подлежащие выяснению по поступившему в суд уголовному делу

«По поступившему уголовному делу судья должен выяснить в отношении каждого из обвиняемых следующее:

- (i) подсудно ли уголовное дело данному суду;
- (ii) вручены ли копии обвинительного заключения или обвинительного акта;
- (iii) подлежит ли отмене или изменению избранная мера пресечения;
- (iv) подлежат ли удовлетворению заявленные ходатайства и поданные жалобы...»

Статья 231. Назначение судебного заседания

«1. При отсутствии оснований для принятия решений, предусмотренных пунктами 1 и 2 части первой статьи 227 настоящего Кодекса, судья выносит постановление о назначении судебного заседания ... В постановлении ... разрешаются следующие вопросы:

...

(vi) о мере пресечения, за исключением случаев избрания меры пресечения в виде домашнего ареста или заключения под стражу...»

Статья 255. Решение вопроса о мере пресечения

«1. В ходе судебного разбирательства суд вправе избрать, изменить или отменить меру пресечения в отношении подсудимого.

2. Если заключение под стражу избрано подсудимому в качестве меры пресечения, то срок содержания его под стражей со дня поступления уголовного дела в суд и до вынесения приговора не может превышать 6 месяцев, за исключением случаев, предусмотренных частью третьей настоящей статьи.

3. Суд [...] вправе продлить срок содержания подсудимого под стражей. При этом продление срока содержания под стражей допускается только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и каждый раз не более чем на 3 месяца...»

Статья 259. Протокол судебного заседания

«1. В ходе судебного заседания ведется протокол. ...

6. Протокол должен быть изготовлен и подписан председательствующим и секретарем судебного заседания в течение 3 суток со дня окончания судебного заседания ...»

Статья 376. Назначение судебного заседания

«1. При поступлении уголовного дела с кассационн[ой]жалобой ... судья назначает дату, время и место [кассационного] судебного заседания.

2. О дате, времени и месте рассмотрения уголовного дела судом кассационной инстанции стороны должны быть извещены не позднее 14 суток до дня судебного заседания. Вопрос о вызове осужденного, содержащегося под стражей, решается судом.

3. Осужденный, содержащийся под стражей и заявивший о своем желании присутствовать при рассмотрении жалобы или представления на приговор, вправе участвовать в судебном заседании непосредственно либо изложить свою позицию путем использования систем видеоконференц-связи. Вопрос о форме участия осужденного в судебном заседании решается судом ...»

34. 22 марта 2005 г. Конституционный Суд Российской Федерации вынес Постановление № 4-П по жалобам, поданным группой граждан, включая заявителя. Они жаловались на фактическое продление срока содержания их под стражей после передачи материалов их дел прокуратурой в соответствующие суды. Суд постановил, что положения Кодекса, оспариваемые заявителем и другими лицами, соответствовали Конституции Российской Федерации. В то же время, их практическое толкование судами могло противоречить их

конституционному смыслу. В пункте 3.2. Постановления Конституционный Суд отметил:

«Конституция Российской Федерации, ее статья 22 (часть 2), предусматрива[ет], что ... содержание под стражей допуска[е]тся только по судебному решению... Соответственно, если определенный судебным решением срок содержания подозреваемого или обвиняемого под стражей истекает, суд принимает решение о продлении этого срока либо подозреваемый или обвиняемый должен быть освобожден из-под стражи...

Названные правила являются общими для всех этапов уголовного судопроизводства, в том числе при переходе от одной стадии процесса к другой. ... переход от одной процессуальной стадии к другой не влечет автоматического прекращения действия примененной на предыдущих стадиях меры пресечения.

Следовательно, при передаче прокурором уголовного дела в суд избранная в период предварительного расследования мера пресечения ... может продолжаться до истечения того срока, на который она была установлена соответствующим судебным решением...

[В соответствии со статьями 227 и 228 УПК Российской Федерации] судья по поступившему в суд уголовному делу в отношении обвиняемого, содержащегося под стражей, в течение 14 суток решает вопрос о назначении по нему судебного заседания, выясняя при этом, "подлежит ли отмене или изменению избранная мера пресечения". Данная формулировка предполагает, что решение о заключении обвиняемого под стражу или о продлении срока содержания под стражей, принятое на стадии предварительного расследования, сможет сохранять свою силу после окончания дознания или предварительного следствия и направления уголовного дела в суд только в течение срока, на который данная мера пресечения была установлена.

Прокурор, в свою очередь, при утверждении обвинительного заключения (обвинительного акта) и направлении уголовного дела в суд обязан проверить, не истекает ли установленный судом срок содержания обвиняемого под стражей и достаточен ли он для того, чтобы судья имел возможность принять решение [в отношении содержания под стражей в ходе судебного процесса]. Если к моменту направления дела в суд этот срок истекает или если он оказывается недостаточным для того, чтобы судья ... мог принять решение [в отношении содержания под стражей], прокурор в соответствии со статьями 108 и 109 УПК Российской Федерации обязан обратиться в суд с ходатайством о продлении срока содержания обвиняемого под стражей».

Далее Конституционный Суд отметил в своем Постановлении:

«Поскольку ограничение свободы ... возможно только по судебному решению, принимаемому судом в судебном заседании ... при условии обеспечения содержащемуся под стражей обвиняемому возможности довести до суда свою позицию, запрет на вынесение вне судебного заседания решения о применении заключения под стражу ... должен распространяться на все судебные решения, касающиеся как первичного избрания этой меры пресечения, так и сохранения содержания под стражей, избранного ранее»

35. 22 января 2004 года Конституционный Суд вынес Определение № 66-О по жалобе по поводу отказа Верховного Суда разрешить заключенному присутствовать на разбирательстве по его жалобе по вопросу содержания под стражей. Он определил:

«Положения статьи 376 УПК Российской Федерации, регламентирующие участие осужденного, содержащегося под стражей, в заседании суда кассационной инстанции ... не могут рассматриваться как лишаящие содержащегося под стражей обвиняемого ... права путем личного участия в судебном заседании или иным предусмотренным законом способом изложить суду кассационной инстанции свое мнение по существу вопросов, связанных с рассмотрением жалобы или представления на промежуточное судебное решение, затрагивающее его конституционные права и свободы...»

36. Части 3 и 4 статьи 72 Уголовного кодекса 1996 г. предусматривают, что время содержания лица под стражей до и в ходе судебного разбирательства засчитывается в сроки лишения свободы по обвинительному приговору.

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ЖАЛОБЫ В ЧАСТИ СТАТЬИ 5 § 1 КОНВЕНЦИИ

A. Неисчерпание средств правовой защиты внутри страны

37. В своих возражениях по существу Правительство утверждало, что заявитель не исчерпал средства правовой защиты внутри страны. Он инициировал разбирательство в Конституционном Суде РФ, которое закончилось вынесением Постановления № 4-П от 22 марта 2005 г. в его пользу. Правительство полагало, что данный вопрос еще не был разрешен на национальном уровне.

38. Суд отмечает, что данное возражение Правительства может быть истолковано двояко: во-первых, как подразумевающее, что жалоба в Конституционный Суд являлась действенным средством, подлежавшим исчерпанию, и, во-вторых, как предполагающее, что Постановление Конституционного Суда открывало перед заявителем некоторые новые правовые пути, которые до этого не существовали. В любом случае, Суд отмечает, что Правительство впервые выдвинуло это возражение в своем дополнительном меморандуме по существу от 14 сентября 2006 г., после принятия решения о приемлемости по жалобе в данной части. В подобных обстоятельствах первым

вопросом, на который нужно ответить, является вопрос о том, имеет ли Правительство право выдвигать такое возражение.

39. В принципе, Суд имеет полномочия принять во внимание доводы о неисчерпании в тех случаях, когда Государство-ответчик уже приводило их до вынесения окончательного решения по приемлемости (см. в числе многих других авторитетных источников *К. и Т. против Финляндии v. Finland* [Большая Палата], № 25702/94, § 145, ЕСПЧ 2001-VII, а также *N.C. против Италии* [Большая Палата], № 24952/94, § 44, ЕСПЧ 2002-X). В контексте настоящего дела это означает, что даже если жалоба в Конституционный Суд и была «действенным средством правовой защиты» с самого начала, Правительство не имеет права поднимать этот вопрос перед Судом.

40. Суд признает, что причина выдвижения возражений по поводу приемлемости может иногда стать известной лишь после вынесения решения по приемлемости. Однако, в настоящем случае это не так, поскольку Постановление 4-П было вынесено задолго до решения по приемлемости. Суд повторяет в этой связи, что когда в ходе разбирательства в Суде происходит новое юридически важное процессуальное событие, в интересах надлежащего отправления правосудия Договаривающаяся сторона должна предъявить любое официальное возражение без задержки (см., с необходимыми изменениями, вышеуказанное постановление по делу *N.C. против Италии* [Большая Палата], § 39). Даже если мы предположим, что данное Постановление открыло перед заявителем новые правовые пути, Правительство проинформировало Суд об этом развитии событий только в сентябре 2006 г. Суд не усматривает никаких исключительных обстоятельств, которые могли бы освободить Правительство от своевременного выдвижения этого возражения (см. *Прокопович против России*, № 58255/00, § 29, 18 ноября 2004 г.).

41. Подводя итог, Суд постановляет, что Правительство не имеет права выдвигать возражение, касающееся утверждаемого неисчерпания внутренних средств правовой защиты, и отклоняет его.

В. Статус жертвы

42. Далее Правительство утверждало, что Постановление Конституционного Суда от 22 марта 2005 г. лишило заявителя статуса жертвы. Нарушение его прав было в прямой форме признано Конституционным Судом. Кроме того, срок содержания заявителя под стражей до вступления в силу приговора по его уголовному делу был засчитан в срок назначенного ему наказания.

43. Прежде всего, Суд отмечает, что подобный довод был отклонен Судом в деле *Павлетич [Pavletić] против Словакии* (№ 39359/98, §§ 60-61, 22 июня 2004 г.). Как и в деле *Павлетич*, в настоящем случае

Правительство не выдвинуло этого возражения на стадии разбирательства по приемлемости. С учетом этого, оно может считаться в принципе не имеющим права выдвигать его на настоящей стадии (Правило 55 Регламента Суда; см., в том числе, *Амроллахи [Amrollahi] против Дании*, № 56811/00, § 22, 11 июля 2002 г.; *Мансур [Mansur] против Турции*, постановление от 8 июня 1995 г., серия А № 319-В, §§ 47 и 48; и *Николова [Nikolova] против Болгарии* [Большая Палата], № 31195/96, § 44, ЕСПЧ 1999-II).

44. В любом случае, Суд не может согласиться с Правительством в том, что заявитель потерял статус жертвы по смыслу Статьи 34. Суд повторяет в этой связи, что заявитель может потерять свой статус жертвы, если соблюдены два условия: во-первых, власти должны признать утверждаемое нарушение либо прямо, либо по существу, а во-вторых, предложить возмещение (см. *Гиссе [Guisset] против Франции*, № 33933/96, §§ 66-67, ЕСПЧ 2000-IX). Решение или мера в пользу заявителя является в принципе недостаточной, чтобы лишить его статуса «жертвы» в отсутствие такого признания и возмещения (см. *Константинеску [Constantinescu] против Румынии*, № 28871/95, § 40, ЕСПЧ 2000-VIII).

45. Обращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что Постановление [Конституционного Суда] вряд ли может рассматриваться в качестве такого «признания» нарушения права заявителя. Конституционный Суд не исследовал личную ситуацию заявителя как таковую, а дал конституционное толкование закона.

46. Кроме того, само по себе Постановление не предоставляет никакого возмещения заявителю в связи с недостатками, влияющими на законность его содержания под стражей. Представляется, что, формально говоря, данное Постановление не может служить основанием для повторного рассмотрения жалобы заявителя по поводу его незаконного содержания под стражей, и из возражений Правительства непонятно, какой еще эффект данное Постановление могло оказать.

47. Что же касается того факта, что срок содержания заявителя под стражей до вступления в силу приговора по его уголовному делу был засчитан в срок назначенного ему наказания, Суд отмечает, что, в принципе, смягчение наказания может лишить лицо его статуса жертвы, когда национальные власти признали нарушение Конвенции и снизили наказание заявителю в соизмеримой манере с целью устранить предшествующие нарушения Статьи 5 (см., с необходимыми изменениями *Дзелили [Dzelili] против Германии*, № 65745/01, §§ 83 и последующие, 10 ноября 2005 г.). Однако, в данном случае зачет времени, проведенного в предварительном заключении, в общий срок, подлежащий отбытию заявителем, никоим образом не связан с утверждаемым нарушением Статьи 5 § 1 Конвенции. Как следует из

Статьи 72 Уголовного кодекса, время предварительного содержания лица под стражей автоматически засчитывается в сроки лишения свободы, вне зависимости от того, было ли оно неправомерным.

48. Следовательно, нельзя сказать, что заявитель потерял свой статус жертвы по смыслу Статьи 34 Конвенции. Возражения Правительства в этой части, соответственно, подлежат отклонению.

II. ДОПУЩЕННОЕ ПО МНЕНИЮ ЗАЯВИТЕЛЯ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 1 КОНВЕНЦИИ

49. Заявитель жаловался на основании Статьи 5 § 1 (с) Конвенции на то, что с 31 марта по 6 апреля 2004 г. содержание его под стражей не было основано на судебном решении и, соответственно, было «незаконным». В части, относящейся к настоящему случаю, Статья 5 гласит:

«Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения...»

A. Доводы сторон

50. Правительство утверждало, что жалоба в данной части является явно необоснованной. В соответствии со Статьей 255 Уголовно-процессуального Кодекса, предварительное содержание под стражей остается в силе в ходе судебного процесса. Как только прокуратура передала дело в суд, заявитель был «перечислен» за судом. В подобных обстоятельствах у районного суда имелось, в соответствии с пунктом 3 статьи 227 УПК РФ, 14 дней для вынесения решения по поводу содержания заявителя под стражей. Следовательно, действие решения Басманного районного суда от 26 декабря 2003 г. продолжалось до 6 апреля 2004 г.

51. Заявитель настаивал на своей жалобе. В соответствии с интерпретацией Статьи 255 Конституционным Судом, содержание под стражей всегда должно быть основано на судебном решении.

В. Оценка Суда

52. Суд отмечает, что срок предварительного содержания заявителя под стражей истек через несколько дней после передачи дела прокуратурой в суд для рассмотрения по существу. Тем не менее, суд вынес постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей на период судебного процесса только через неделю после этого. Возникает вопрос о том, было ли его содержание под стражей в течение этой недели «законным» по смыслу Статьи 5 § 1.

53. Суд повторяет, что используемые в Статье 5 § 1 Конвенции термины «законное» и «в порядке, установленном законом», по существу, отсылают к национальному законодательству и устанавливают обязанность соблюдать указанные в нем материальные и процессуальные нормы. Кроме того, Конвенция требует, чтобы любое лишение свободы находилось в соответствии с целями Статьи 5, которые состоят в том, чтобы предотвратить лишение лиц свободы в произвольной манере (см. в числе многих других авторитетных источников *Эркало [Erkalo] против Нидерландов*, постановление от 2 сентября 1998 г., *Отчеты о постановлениях и решениях 1998-VI*, стр. 2477, § 52).

54. Толкование и применение внутреннего законодательства в первую очередь является делом национальных властей, в частности, судов. Однако, поскольку в соответствии со Статьей 5 § 1 несоблюдение внутреннего законодательства влечет за собой нарушение Конвенции, следовательно, Суд может и должен осуществлять определенные полномочия по проверке соблюдения этого законодательства. Содержание под стражей в определенный период, в принципе, будет законным, если оно осуществляется по судебному решению (см. *Дуйеб [Douiyebe] против Нидерландов* [Большая Палата], № 31464/96, §§ 44-45, 4 августа 1999 г.). В этой связи Суд хотел бы подчеркнуть, что, с учетом важности личной свободы, очень важно, чтобы относимое внутреннее законодательство отвечало установленному Конвенцией стандарту «законности», который требует, чтобы все законы, как писанные, так и неписанные, были достаточно точными, чтобы позволить гражданину – если требуется, после соответствующей консультации – предвидеть, в разумной в данных обстоятельствах степени, последствия, к которым может привести любое конкретное деяние (см. *Стил [Steel] и другие против Соединенного Королевства*, постановление от 23 сентября 1998 г., *Отчеты 1998-VII*, стр. 2735, § 54).

55. Руководствуясь этим подходом, в ряде случаев Суд осудил практику содержания подсудимых под стражей на основании одного только обвинительного заключения, без должного судебного решения (см. *Барановский [Baranowski] против Польши*, № 28358/95, §§ 42-58,

ЕСПЧ 2000-III; см. также *Йечиус [Ječius] против Литвы*, № 34578/97, § 56, ЕСПЧ 2000-IX). В деле *Барановского* продолжение содержания заявителя под стражей было результатом судебной практики, установленной в отсутствие каких-либо конкретных положений закона или четкого прецедентного права по данному вопросу (см., в противоположность, *Ломон [Laumont] против Франции*, № 43626/98, §§ 43 и последующие, ЕСПЧ 2001-XI).

56. Суд отмечает, что в настоящем случае несанкционированное содержание под стражей продолжалось одну неделю – с 30 марта по 6 апреля 2004 г. Следовательно, промежуток времени между двумя правомерными постановлениями о содержании под стражей был менее важен, чем в вышеуказанном деле *Барановского*.

57. Однако, эта специфическая черта российской системы предварительного содержания под стражей уже была исследована в деле *Худоеров против России* (№ 6847/02, §§ 145 и последующие, ЕСПЧ 2005-... (выдержки)). В том случае Суд установил, что содержание под стражей без судебного решения или другого четкого основания являлось несовместимым со стандартом «законности», заключенном в Статье 5 § 1, даже несмотря на то, что, в соответствии с предложенным Правительством толкованием Статьи 227 § 3 Уголовно-процессуального Кодекса, несанкционированное содержание под стражей не может превышать двух недель. Суд признал, что в течение этого периода времени «заявитель находился в правовом вакууме, который не покрывался никаким положением внутреннего законодательства» (*Худоеров*, § 149).

58. Кроме того, в настоящем случае Конституционный Суд РФ, по жалобе заявителя, осудил данную практику как неконституционную (см. выше раздел «Относимое внутреннее законодательство»). В данных обстоятельствах Суд находит, что содержание под стражей не было «законным» в целях Конвенции.

59. Суд приходит к выводу, что содержание заявителя под стражей с 30 марта по 6 апреля 2004 г. не имело правовой основы и поэтому было «незаконным». Следовательно, имело место нарушение Статьи 5 § 1 в этой связи.

III. ДОПУЩЕННОЕ ПО МНЕНИЮ ЗАЯВИТЕЛЯ НАРУШЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

60. Заявитель жаловался в соответствии со Статьей 5 Конвенции на ряд процессуальных нарушений в ходе разбирательств, касающихся содержания его под стражей. В частности, заседания в Басманном районном суде 3 июля, 26 декабря 2003 г. и 8 июня 2004 г. проходили в закрытом режиме, его адвокаты не смогли принять участие в заседании Басманного районного суда 3 июля 2003 г., Мещанский районный суд не вызвал его на заседание 8 июня 2004 г., и у Московского городского суда ушло слишком много времени на рассмотрение его жалоб на постановления о продлении срока содержания его под стражей.

Суд исследовал жалобу в этой части на основании Статьи 5 §§ 3 и 4 Конвенции, которые гласят:

«3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом "с" пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Доводы Правительства

61. Во-первых, Правительство утверждало, что жалоба в данной части несовместима с положениями Конвенции, поскольку Статья 5 § 4 неприменима к данным заседаниям и, более того, в соответствии со Статьей 5 Конвенции, от данных заседаний не требовалось предлагать те же гарантии, что и разбирательства в рамках Статьи 6 Конвенции. Оно сослалось на дело *Ноймайстер [Neumeister] против Австрии* (постановление от 27 июня 1968 г., серия А № 8, § 24), в котором Суд решил, что «полное исследование таких средств защиты без проведения или с проведением судебного заседания было бы источником задержки, которой важно избежать в данной области».

62. Во-вторых, Правительство утверждало, что права заявителя в соответствии со Статьей 5 не были нарушены. Что касается отсутствия гласности, в соответствии с внутренним законодательством Басманный районный суд имел право проводить эти заседания в закрытом режиме, поскольку отсутствие гласности не нанесло ущерба защите заявителя, а также поскольку судебный процесс в отношении заявителя в любом случае был открытым.

63. Что же касается отсутствия заявителя в заседании 8 июня 2004 г., Правительство отметило, что заявитель не был вызван в это судебное заседание, поскольку оно проводилось в рамках другого дела, а именно дела Ходорковского и Крайнова. Однако, поскольку в ходе предварительного следствия заявителем и его сообвиняемыми по делу было заявлено ходатайство о соединении их уголовных дел, 8 июня 2004 г. данное ходатайство было удовлетворено судом. В соответствии с Уголовно-процессуальным Кодексом, а именно статьями 227, 228, 231 и 236 УПК РФ, суд был обязан по собственной инициативе одновременно с соединением дел рассмотреть вопрос о мере пресечения в отношении обвиняемых. Соответственно, в этот день решение об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу либо о продлении срока его содержания под стражей судом не принималось, а имело место лишь подтверждение ранее принятых решений о мере пресечения в отношении заявителя.

64. Что касается жалобы на постановление от 26 декабря 2003 г., суд рассмотрел ее всего через 4 дня после подачи заявителем ее окончательной версии. Что же касается жалобы на постановление от 6 апреля 2004 г., задержка была вызвана именно адвокатом заявителя. Она направила жалобу по почте, вместо того, чтобы подать ее непосредственно в суд, и представила дополнения к жалобе за день до рассмотрения первой жалобы. Суду пришлось направить дополнения стороне обвинения для представления возражений, и эта необходимая формальность вызвала задержку.

В. Доводы заявителя

65. Во-первых, заявитель настаивал на том, что Статья 5 § 4 применима к рассматриваемым разбирательствам. По его мнению, прецедентное право Суда изменилось со времени дела *Ноймайстера*. Он сослался на дело *Винтерверп [Winterwerp] против Нидерландов* (постановление от 24 октября 1979 г., серия А № 33, § 60), где Суд подчеркнул следующее:

«... Действительно, судебное разбирательство, о котором идет речь в пункте 4 статьи 5, ... не всегда должно сопровождаться теми же гарантиями, которые требуются на основании пункта 1 статьи 6 ... Тем не менее, необходимо, чтобы соответствующее лицо имело возможность явиться в суд и быть заслушанным лично или, когда это необходимо, через какого-либо своего представителя. В противном случае, ему не будут предоставлены “основополагающие процессуальные гарантии, применимые к вопросу лишения свободы...”».

В последующем прецедентном праве Суд подтвердил этот подход. Так в делах *Николов [Nikolov] против Болгарии* (№ 38884/97, § 97, 30 января 2003 г.) и *Мигон [Migoń] против Польши* (№ 24244/94, § 68, 25

июня 2002 г.) Суд признал, что разбирательства по вопросу содержания под стражей должны обеспечивать «равенство сторон».

66. Во-вторых, заявитель утверждал, что были нарушены его процессуальные права в соответствии со Статьей 5. Гласность заседаний по мере пресечения является основным принципом правосудия. Решения о проведении закрытых судебных заседаний принимались судом без обсуждения его сторонами и без указания каких-либо оснований.

67. Что же касается его отсутствия в заседании 8 июня 2004 г., заявитель настаивал на том, что право на участие в разбирательствах по мере пресечения не зависит от характера разбирательства, как утверждало Правительство. Он сослался на Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 г., который постановил, что присутствие заключенного в заседании, касающемся применения заключения под стражу в качестве меры пресечения требуется во всех случаях, независимо от того, рассматривает ли суд вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, продлевает ли срок содержания под стражей или подтверждает законность содержания под стражей.

68. Что касается жалобы на постановление от 26 декабря 2003 г., она была подана поздно из-то того, что суд не изготовил вовремя протокол судебного заседания. Что же касается жалобы на постановление от 6 апреля 2004 г., Московский городской суд мог провести необходимые процессуальные формальности быстрее.

С. Оценка Суда

1. Применимость Статьи 5 §§ 3 и 4 к заседаниям по мере пресечения

69. Суд начнет с исследования первого довода Правительства, а именно, что Статья 5 § 4 не применима к рассматриваемым заседаниям. Суд отмечает, что на стадии приемлемости этот вопрос был объединен с вопросом существа дела.

70. Действительно, Статья 5 § 4 гарантирует, прежде всего, право на инициирование разбирательств для рассмотрения законности содержания под стражей судом. В деле *Ноймайстера*, на которое Правительство ссылалось в своем Меморандуме, Суд признал, что термин «суд» в контексте Статьи 5 § 4 «подразумевает лишь, что орган, призванный решать этот вопрос, должен обладать судебным характером, то есть быть независимым от исполнительной власти и сторон по делу; это никоим образом не относится к процедуре, которая подлежит соблюдению» (§ 24).

71. В то же время Конвенция является «живым инструментом, который должен толковаться в свете сегодняшних условий» (см., в числе других авторитетных источников, *Tyrer [Tyrer] против Соединенного Королевства*, постановление от 25 апреля 1978 г., серия А № 26, стр. 15-16, § 31). Дело *Ноймайстера* было одним из первых по Статье 5; в последние три десятилетия бывшая Комиссия и настоящий Суд последовательно интерпретировали Статью 5 § 4 как предоставляющую заключенному определенные процессуальные гарантии, в целом аналогичные гарантиям в соответствии со Статьей 6 § 1 Конвенции (см., например, вышеуказанное дело *Винтерверп [Winterwerp]*, стр. 24, § 60; *Санчез-Райсе [Sanchez-Reisse] против Швейцарии*, 21 октября 1986 г., серия А № 107; *Кампанис [Kampanis] против Греции*, 13 июля 1995 г., серия А № 318-Б; а также *Илийков [Ilijkov] против Болгарии*, № 33977/96, 26 июля 2001 г., § 103). Так, в процитированном заявителем постановлении по делу *Николова*, (§ 97), Суд заявил:

«Разбирательство, проводимое в соответствии со Статьей 5 § 4 Конвенции, должно в принципе соответствовать, в максимально возможной в условиях продолжающегося расследования степени, основным требованиям справедливого судебного разбирательства».

72. По мнению Суда, неважно, рассматривает ли суд поданное защитой ходатайство об освобождении или поданное обвинением ходатайство о продлении срока содержания под стражей. Подобный подход был принят в ряде недавних дел. Например, в деле *Граужинис [Graužinis] против Литвы* (№ 37975/97, § 33, 10 октября 2000 г.) Суд решил, что на продление срока содержания заявителя под стражей районный судом по ходатайству прокуратуры также распространялись гарантии Статьи 5 § 4 Конвенции (см. также *Телецкий [Telecki] против Польши* (решение) № 56552/00, 3 июля 2003 г.).

73. Более того, хотя Конвенция не заставляет страны-подписанты организовывать второй уровень юрисдикции для рассмотрения законности содержания под стражей, «Государство, которое вводит такую систему, обязано, в принципе, предоставить заключенному те же гарантии при рассмотрении кассационной жалобы, что и в суде первой инстанции» (см. *Наварра [Navarra] против Франции*, постановление от 23 ноября 1993 г., серия А № 273-Б, § 28, а также *Тот [Toth] против Австрии*, постановление от 12 декабря 1991 г., серия А № 224, § 84). В постановлении по делу *Влох [Wloch] против Польши* (№ 27785/95, §§ 125 и последующие, ЕСПЧ 2000-XI), Суд применил Статью 5 § 4 к разбирательствам в Краковском районном суде, продлившим срок содержания заявителя под стражей по ходатайству прокуратуры, а также к разбирательству в Апелляционном суде г. Кракова, которое подтвердило законность постановления суда о продлении срока содержания заявителя под стражей. Следовательно,

Статья 5 § 4 применима как к продлению срока содержания заявителя под стражей, так и к кассационному производству.

74. Что касается жалобы на нарушения в ходе заседания по мере пресечения 3 июля 2003 г., Суд отмечает, что 3 июля 2003 г. заявитель был «доставлен к судье» по смыслу пункта 3 Статьи 5. Соответственно. Жалоба по поводу заседания по мере пресечения 3 июля 2003 г. подпадает под действие этого положения Конвенции.

2. Соответствие заседаний по мере пресечения Статье 5 §§ 3 и 4

(а) Общие принципы

75. Суд отмечает, что как пункт 3, так и пункт 4 Статьи 5, несмотря на различия в формулировках, предусматривают судебный характер разбирательства (см. постановление по делу *Де Вильде, Омс и Ферсип* [*De Wilde, Ooms and Versyp*] от 18 июня 1971 г., серия А № 12, стр. 40, § 76). Так, в деле *Шайссер* [*Schiesser*] против Швейцарии (постановление от 4 декабря 1979 г., серия А № 34, § 31) Суд постановил:

«В соответствии со Статьей 5 пункт 3, существует как процессуальное, так и материальное требование. Процессуальное требование налагает на «должностное лицо» обязанность лично заслушивать доставленное к нему лицо».

В деле *Брэнниган и МакБрайд* [*Brannigan and McBride*] против Соединенного Королевства (постановление от 26 мая 1993 г., серия А № 258-Б, § 58), Суд пошел даже дальше и постановил:

«Суд отмечает, что включение «судьи или иного должностного лица, наделенного, согласно закону, судебной властью» в процесс продления срока содержания под стражей само по себе не обязательно приводит к ситуации соответствия пункту 3 Статьи 5. Это положение – как и пункт 4 Статьи 5 – должно пониматься как требующее соблюдения *процедуры, имеющей судебный характер* [курсив наш], хотя эта процедура не обязательно должна быть идентичной в каждом случае, когда требуется вмешательство судьи».

76. Соответственно, в принципе, Суд не видит никакой причины различать между судебными постановлениями по избранию меры пресечения в виде содержания под стражей, продлению срока содержания под стражей или проверке ее законности. Все подобные разбирательства должны предлагать определенные минимальные гарантии, и прецедентное право, касающееся пункта 4 Статьи 5 Конвенции, как правило, применимо к разбирательствам по мере пресечения, подпадающим под Статью 5 § 3. В то же время Суд ссылается на свой вывод в *Де Вильде, Омс и Ферсип против Бельгии*, в котором он постановил, что «формы процедуры, требуемой Конвенцией, не должны ... быть идентичными в каждом случае, когда требуется вмешательство суда» (постановление от 18 июня 1971 г.,

серия А № 12, § 78). Соответственно, хотя принципы, руководящие разбирательствами по мере пресечения в соответствии со Статьей 5 §§ 3 и 4, в целом сходны, степень процессуальных гарантий может иногда различаться и, в любом случае, не может быть такой же, как в соответствии со Статьей 6 Конвенции.

77. Суд отмечает, что содержание заявителя под стражей в настоящем деле подпадает под Статью 5 § 1 (с). В такой ситуации, когда исследуется законность содержания под стражей в ходе следствия и судебного процесса, обычно требуется проведение судебного заседания (см. вышеуказанное дело *Санчез-Райссе*, § 51, а также *Ассенов [Asenov] и другие против Болгарии*, постановление от 28 октября 1998 г., *Отчеты 1998-VIII*, § 162, с дальнейшими ссылками). Более того, разбирательства должны быть состязательными и всегда обеспечивать равенство между сторонами – обвинителем и заключенным (см. вышеуказанное дело *Николовой*, § 59; см. также вышеуказанное дело *Граужинис*, § 31). Это означает, в частности, что заключенный должен иметь доступ к документам в материалах следствия, необходимым для оценки законности содержания его под стражей (см. *Лами [Lamy] против Бельгии*, постановление от 30 марта 1989 г., серия А № 151, § 29, а также *Шопс [Schöps] против Германии*, № 25116/94, § 44, ЕСПЧ 2001-I). Заключенный должен также иметь возможность представлять возражения на доводы, представленные обвинением (см. *Ниедбала [Niedbala] против Польши*, № 27915/95, § 67, 4 июля 2000 г.). Может требоваться какая-то форма правового представительства заключенного, а именно, когда он не может должным образом защищать себя или в других особых обстоятельствах (см. *Буамар [Buamar] против Бельгии*, постановление от 29 февраля 1988 г., серия А № 129, § 62; *Мегиери [Megyeri] против Германии*, постановление от 12 мая 1992 г., серия А № 237-A; а также *Аджалан [Öcalan] против Турции* [Большая Палата], № 46221/99, § 70, ЕСПЧ 2005-...). Наконец, существуют определенные требования в отношении объема рассмотрения в рамках Статьи 5 § 4 (см. *Е. против Норвегии*, постановление от 29 августа 1990 г., серия А № 181-A, § 50).

78. Суд далее отмечает, что Статья 5 § 4 предусматривает «безотлагательное рассмотрение судом правомерности заключения под стражу» (курсив наш). Суд вернется к этому вопросу ниже (см. пункты 95 и далее). Здесь же Суд отмечает, что существуют два аспекта требования «безотлагательности»: во-первых, возможность для правового рассмотрения должна быть предоставлена вскоре после того, как лицо заключено под стражу и, если это необходимо, через разумные интервалы времени в последующем (см. *Хержегфалви [Herczegfalvy] против Австрии*, постановление от 24 сентября 1992 г.,

серия А № 244, стр. 24, § 75). Во-вторых, само разбирательство должно быть проведено с надлежащей быстротой.

79. Наконец, Суд подчеркивает, что между «процессуальным» и «временным» аспектами Статьи 5 § 4 имеется внутренняя связь. Соблюдение процессуальных гарантий, перечисленных выше в пункте 77, должно всегда оцениваться в контексте требования «периодического рассмотрения», обсуждаемого выше в пункте 78. Иными словами, Статья 5 § 4 не гарантирует заключенному право на получение полного рассмотрения вопроса его содержания под стражей, со всеми присущими гарантиями процессуальной справедливости, в любой момент, когда он того захочет, а только через «разумные интервалы времени». Были ли интервалы «разумными», должно оцениваться в конкретных обстоятельствах каждого дела.

(b) Применение к настоящему делу

(i) Судебные разбирательства, касающиеся содержания заявителя под стражей с 3 июля по 28 августа 2003 г.

80. Заявитель жаловался на то, что заседание в Басманном районном суде 3 июля 2003 г. было проведено в закрытом режиме, и что его адвокаты не могли в нем участвовать.

81. Суд отмечает, что 3 июля 2003 г. Басманный районный суд вынес постановление об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу в ходе расследования. Разбирательство проходило в закрытом режиме. Заявитель присутствовал, а его адвокаты – нет. Сторона обвинения в заседании присутствовала. 23 июля 2003 г., по результатам заседания, на котором адвокаты заявителя присутствовали, а он сам – нет, Московский городской суд отклонил жалобу заявителя на постановление об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу от 3 июля 2003 г.

82. Что касается того факта, что заседание по мере пресечения от 3 июля 2003 г. проходило в закрытом режиме, Суд отмечает, что в его прецедентном праве нет оснований в поддержку утверждений заявителя о том, что заседания по поводу законности предварительного содержания под стражей всегда должны быть открытыми (см. *Райнпрехт [Reinprecht] против Австрии*, № 67175/01, 15 ноября 2005 г., где суд исследовал этот вопрос в рамках Статьи 5 § 4). Суд не усматривает причин для отхода от своего прецедентного права в этом отношении, и приходит к выводу, что сам по себе этот аспект разбирательства по мере пресечения также не вызывает вопроса по Статье 5 § 3.

83. Что касается отсутствия адвокатов заявителя, заявитель настаивает на том, что им было запрещено участвовать в заседании по

мере пресечения от 3 июля 2003 г. Как следует из постановления Басманного районного суда от 3 июля 2003 г. и определения Московского городского суда от 23 июля 2003 г., адвокаты заявителя прибыли в суд уже после начала заседания. Судья отказал им в разрешении войти в зал суда и участвовать в заседании по причине их опоздания без уважительных причин.

84. Суд повторяет, что разбирательства по мере пресечения требуют особой быстроты, и в Статье 5 не содержится никакого прямого упоминания права на юридическую помощь в этом отношении. Разница целей объясняет, почему Статья 5 содержит более гибкие процессуальные требования, чем Статья 6, будучи более жесткой в отношении безотлагательности. Соответственно, как правило, судья может решить не ждать, пока заключенный сможет воспользоваться юридической помощью, и власти не обязаны предоставлять ему бесплатную юридическую помощь в контексте разбирательств по мере пресечения.

85. Однако, ряд специфических черт настоящего дела склоняют Суд к тому, чтобы отойти от этого общего правила. Прежде всего, Суд отмечает, что заседание по мере пресечения проходило на следующий день после задержания заявителя, и в тот же день, когда он был проинформирован об обвинениях в отношении него, когда он был менее всего подготовлен к тому, чтобы оспорить доводы обвинения.

86. Более того, заявитель был доставлен к судье практически прямо из больницы, куда он был госпитализирован в связи со своими хроническими заболеваниями. Даже если заявитель был в состоянии лично участвовать в разбирательстве по мере пресечения, он не был в своем нормальном состоянии здоровья, и некоторая форма юридического представительства была, как минимум, желательной, особенно с учетом того, что представители обвинения присутствовали в зале судебного заседания.

87. Наконец, Суд подчеркивает, что в отличие от вышеуказанного дела *Мегиери*, заявитель в настоящем деле уже привлек адвокатов, которые были извещены следователем о заседании по мере пресечения и были готовы участвовать в нем. Более того, представляется, что суд в принципе был готов заслушать адвокатов и некоторое время ожидал их. Ситуация заявителя в этой связи была ближе к ситуации заявителей в деле *Истратий [Istratii] и другие против Молдовы* (№№ 8721/05, 8705/05 и 8742/05, 27 марта 2007 г.). В том деле встречи между заключенными под стражу заявителями и их адвокатом были организованы таким способом, который препятствовал конфиденциальному контакту между ними. Суд постановил, что подобная мера не была оправдана в обстоятельствах дела (§ 90), и что поэтому имелось нарушение Статьи 5 § 4. Центральным вопросом в том деле была не позитивная обязанность Государства обеспечить

юридическую помощь заключенному, а негативная обязанность Государства не препятствовать действенной помощи адвокатов в контексте разбирательств по мере пресечения (§ 88). По мнению Суда, эта проблема также является центральной в исследуемой части жалобы по настоящему делу.

88. Как следует из решение Московского городского суда от 23 июля 2003 г., судья отстранил адвокатов от участия в разбирательстве поскольку «судебное заседание уже началось и было закрытым для не участвующих в нем лиц». Однако, такое исключение публики было как таковое неприменимо к адвокатам заявителя. Если исключение адвокатов основывалось на закрытом характере судебного разбирательства, решение судьи было явно нелогичным.

89. Далее, Суд не может усмотреть никаких причин, почему присутствие адвокатов на данной стадии могло противоречить интересам правосудия (см., с необходимыми изменениями, *Джон Муррей [John Murray] против Соединенного Королевства*, постановление от 8 февраля 1996 г., *Отчеты 1996-I*, § 66). Суд признает, что адвокаты, возможно, прибыли с опозданием, и могло быть приемлемым начать заседание, не ожидая адвокатов. Однако, Суд не усматривает причин исключать их из разбирательства, когда они прибыли. Даже если их прибытие с опозданием могло затянуть заседание, ничто не позволяет предположить, что имелась какая-либо особая срочность в получении постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу с учетом того, что заявитель уже был задержан. Подводя итог, Суд считает, что в данных обстоятельствах судья внутреннего суда продемонстрировал излишнюю суровость, не позволяя адвокатам заявителя участвовать в заседании.

90. Суд отмечает, что адвокаты заявителя присутствовали в суде кассационной инстанции, где они могли, хотя бы в принципе, представить правовые доводы в пользу освобождения заявителя. В контексте Статьи 6 Суд обычно рассматривает разбирательства в целом; однако, из этого правила существуют исключения, особенного когда это касается предварительного содержания под стражей. Возвращаясь к настоящему случаю, Суд отмечает, что постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу от 3 июля 2003 г. вступило в действие немедленно. Поэтому, даже если суд кассационной инстанции в конечном итоге заслушал адвокатов заявителя, к тому моменту заявитель уже провел под стражей 20 дней. Учитывая этот промежуток времени, Суд не может принять такое ретроактивное утверждение вынесенного с процессуальными нарушениями постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, вынесенного районным судом. Суд заключает,

что присутствие адвокатов в Московском городском суде не устранило процессуальные нарушения, допущенные в районном суде.

91. В свете вышеизложенного, Суд признает, что исключение адвокатов заявителя из [участия в] заседании 3 июля 2003 г. в конкретных обстоятельствах настоящего дела отрицательно сказалось на способности заявителя представить свою позицию и не было оправдано интересами правосудия. Соответственно, постановление о содержании заявителя под стражей с 3 июля по 28 августа 2003 г. было вынесено в результате процедуры, не предлагавшей минимальные процессуальные гарантии, подразумеваемые Статьей 5 § 3 Конвенции. Суд поэтому признает, что имелось нарушение данного положения.

(ii) Судебные разбирательства, касающиеся содержания заявителя под стражей с 26 декабря 2003 г. по 30 марта 2004 г.

92. Заявитель далее жалуется на то, что заседание в Басманном районном суде 26 декабря 2003 г. проходило в закрытом режиме, и что у Московского городского суда ушло слишком много времени на рассмотрение его жалобы на постановление о продлении срока содержания под стражей, вынесенного Басманным районным судом в этот день.

93. Суд отмечает, что 26 декабря 2003 г. Басманный районный суд вынес постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей до 30 марта 2004 г. Это заседание проходило в закрытом режиме. Жалоба заявителя на постановление о продлении срока содержания под стражей от 26 декабря 2003 г. была отклонена Московским городским судом 9 февраля 2004 г., т.е. через 44 дня.

94. Что касается того факта, что заседание 26 декабря 2003 г. проходило в закрытом режиме, Суд не видит каких-либо оснований для отхода от своего вышеуказанного вывода об отсутствии каких-либо специальных обстоятельств, требующих проведения заседаний по избранию меры пресечения/продлению срока содержания под стражей в открытом режиме (см. выше пункт 82). Что же касается времени, в течение которого была рассмотрена жалоба заявителя на постановление о продлении срока содержания, этот аспект дела заслуживает дальнейшего внимания.

(a) Общие положения, регулирующие требование «безотлагательности»

95. Суд повторяет, что Статья 5 § 4 Конвенции, гарантируя заключенным право обжаловать законность своего содержания под стражей, также провозглашает их право, после подачи такой жалобы, на безотлагательное судебное решение, касающееся законности содержания под стражей и предписывающее его прекращение, если оно оказывается незаконным (см. *Барановский [Baranowski] против Польши* [Большая Палата], № 28358/95, ЕСПЧ 2000). Существует

особая необходимость для быстрого решения, определяющего законность содержания под стражей, в случаях, когда судебный процесс не окончен, поскольку на подсудимого должен в полной мере распространяться принцип презумпции невиновности (см. *Иловецкий [Howieski] против Польши*, № 27504/95, § 76, 4 октября 2001 г.).

96. Когда внутренним законодательством предусматривается система обжалования, кассационная инстанция также обязана полностью соблюдать требования Статьи 5 § 4, в частности, в том, что касается безотлагательности рассмотрения кассационной инстанцией постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу/продлении срока содержания под стражей, вынесенного нижестоящим судом. В то же время, стандарты «безотлагательности» менее строгие, когда дело касается разбирательства в суде кассационной инстанции. Суд повторяет в этой связи, что гарантированное Статьей 5 § 4 право на рассмотрение судебным органом прежде всего направлено на избежание произвольного лишения свободы. Однако, если содержание под стражей подтверждено судом, оно должно считаться законным, а не произвольным, даже если имеется возможность обжалования. Последующие разбирательства менее касаются произвольности, а предоставляют дополнительные гарантии, направленные прежде всего на оценку адекватности продолжения содержания под стражей (см. *Цинь-а-Кви [Tjin-a-Kwi] и Ван Ден Хейвель [Van Den Heuvel] против Нидерландов*, № 17297/90, решение Комиссии от 31 марта 1993 г.). Соответственно, Суд менее озабочен безотлагательностью разбирательства в суде кассационной инстанции, если обжалуемое постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу/продлении срока содержания под стражей было вынесено судом, при условии, что порядок, которого придерживался этот суд, носил судебный характер и предоставлял заключенному адекватные процессуальные гарантии (см., с необходимыми изменениями, *Воденичаров [Vodeničarov] против Словакии*, № 24530/94, § 33, 21 декабря 2000 г.).

97. Суд отмечает, что он признал срок в 23 дня для одного уровня юрисдикции и в 43 и 32 дня для двух уровней юрисдикции несоответствующими Статье 5 § 4 (см., соответственно, *Рехбок [Rehbock] против Словении*, № 29462/95, §§ 82-88, ЕСПЧ 2000-ХП; *Яблонский [Jablonski] против Польши*, № 33492/96, §§ 91-94, 21 декабря 2000 г.; и *G.B. против Швейцарии*, № 27426/95, §§ 34-39, 30 ноября 2000 г.). С другой стороны, в деле *Рохлина против России* (№ 54071/00, § 79, 7 апреля 2005 г.), где общая продолжительность разбирательства составляла 41 день для двух уровней юрисдикции, Суд не признал нарушения Статьи 5 § 4 Конвенции. В том деле Суд отметил, в частности, что заявитель попросила позволить ей

присутствовать в суде кассационной инстанции лично, и именно поэтому суду пришлось отложить разбирательство на неделю. В другом недавнем деле в отношении России (*Мамедова против России*, № 7064/05, § 96, 1 июня 2006 г.) Суд признал сроки в 36, 29 и 26 дней несоответствующими Статье 5 § 4, подчеркнув, что длительность данного кассационного разбирательства целиком зависела от властей.

(β) Применение к настоящему делу

98. Суд отмечает, что жалоба на постановление от 26 декабря 2003 г. была рассмотрена в течение 44 дней. Этот период сам по себе не является незначительным (см. вышеуказанное дело *Мамедовой*). Теперь Суд оценит, до какой степени он может быть отнесен на счет заявителя, как это предположило Правительство.

99. Суд отмечает, что «предварительная жалоба» на постановление от 26 декабря 2003 г. была подана адвокатами 29 декабря 2006 г. Однако, она не содержала подробного обоснования, поскольку протокол судебного заседания еще не был предоставлен защите. 23 января 2004 г., после утверждения судом протокола судебного заседания, защита направила окончательную версию оснований жалобы. Московский городской суд рассмотрел ее 9 февраля 2004 г., 17 дней спустя. В этой связи Суд повторяет, что более низкий стандарт «процессуальных гарантий» по вопросам содержания под стражей (по сравнению с требованием «справедливости» в соответствии со Статьей 6 § 1 – см. вышеуказанное дело *Райнпрехт*, § 40), должен быть компенсирован более высоким стандартом безотлагательности (см., с необходимыми изменениями, *Хатчинсон Рид [Hutchison Reid] против Соединенного Королевства*, № 50272/99, § 79, ЕСПЧ 2003-IV). Суд приходит к выводу, что период с 23 января по 9 февраля следует полностью отнести на счет властей.

100. Далее, заявитель утверждал, что защита не смогла подать жалобу до 22 января 2004 г., когда суд первой инстанции отклонил замечания защиты на протокол судебного заседания. Понятно, что без окончательной версии протокола судебного заседания защита не могла завершить свои доводы по жалобе. Соответственно, в принципе, этот период может быть включен в общую продолжительность кассационного разбирательства. Правительство, однако, заявило, что адвокаты заявителя были ответственны как минимум за часть этого периода. Так, протокол судебного заседания был изготовлен 5 января 2004 г., однако адвокат заявителя господин Ривкин получил его копию только 14 января. Кроме того, замечания защиты на протокол судебного заседания пришли в суд только 22 января 2004 г.

101. В то же время, Суд отмечает, что даже хотя протокол судебного заседания был изготовлен 5 января 2004 г., неясно, когда он был предоставлен защите. В любом случае, в соответствии со Статьей

259 УПК РФ, протокол судебного заседания должен быть изготовлен в течение 3 дней; в данном случае судом не был соблюден этот срок. Понятно, что дальнейшая задержка в определенной степени была связана с праздничными днями. Однако, праздничные дни не могут являться уважительной причиной для задержки в рассмотрении ходатайства об освобождении (см. вышеуказанное постановление *Е. против Норвегии*, § 66). Поэтому, даже принимая во внимание довод Правительства, Суд считает, что как минимум 10 дней из периода с 26 декабря 2003 г. по 22 января 2004 г. были связаны с властями.

102. Подводя итог, можно сказать, что власти были ответственны как минимум за 27 дней из всей продолжительности кассационного разбирательства. Правительство не заявило в Суде о том, что определение законности содержания заявителя под стражей включало в себя сложные вопросы. Даже если суды потратили весь этот период, занимаясь с материалами дела, это все равно не освобождает их от обязанности быстрого рассмотрения жалобы. Суд приходит к выводу о том, что кассационное разбирательство не отвечало требованию «безотлагательности» Статьи 5 § 4. Соответственно, он признает, что имелось нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции.

(iii) Судебные разбирательства, касающиеся содержания заявителя под стражей с 6 апреля 2004 г. по 8 июня 2004 г.

103. Заявитель жаловался на то, что у Московского городского суда ушло слишком много времени на рассмотрение его жалобы на постановление о продлении срока содержания под стражей, вынесенное 6 апреля 2004 г.

104. Суд отмечает, что 6 апреля 2004 г. Мещанский районный суд постановил, что заявитель должен оставаться под стражей в ходе судебного процесса. 9 июня 2004 г., через 67 дней, Московский городской суд оставил постановление от 6 апреля 2004 г. в силе. Заявитель утверждал, что рассмотрение постановления о продлении срока содержания под стражей от 6 апреля 2004 г. не являлось «безотлагательным». Правительство возражало, что задержка была вызвана действиями самого заявителя, а именно тем фактом, что заявитель представил дополнительные доводы 26 мая 2004 г. В результате суду кассационной инстанции пришлось отложить заседание до 9 июня 2004 г.

105. Суд отмечает, что адвокаты действительно были частично ответственны за данную задержку. Так, вместо того, чтобы подать жалобу лично, они направили ее по почте. Более того, ничего не говорило о том, что имелась действительная необходимость в подаче дополнительных доводов к жалобе 26 мая 2004 г., вместо того, чтобы представить соответствующие аргументы устно в ходе кассационного заседания.

106. В то же время Суд отмечает, что у обвинения и истцов ушло в целом несколько недель на то, чтобы представить возражения на первую кассационную жалобу заявителя. Она была получена Московским городским судом 22 апреля 2004 г., однако ответные возражения попали к адвокатам только 20 мая 2004 г. Кроме того, у суда ушло еще 2 недели на то, чтобы получить письменные комментарии сторон на дополнительные доводы по жалобе, поданные защитой, и назначить новую дату заседания.

107. Правительство не утверждало, что определение законности содержания заявителя под стражей судом второй инстанции включало в себя сложные вопросы. Даже полагая, что сложность дела превышала среднюю, нет ничего, что позволяло бы предположить, что существовала необходимость получения двух наборов письменных возражений от сторон.

108. Подводя итог, Суд приходит к выводу о том, что период с 22 апреля 2004 г. по 9 июня 2004 г. (один месяц и семнадцать дней) был полностью связан с властями. Суд отмечает, что в деле *Яблонского* (указанном выше, § 93) он постановил, что «существует специальная необходимость для быстрого вынесения решения, определяющего законность содержания под стражей, в случаях, когда судебный процесс не окончен». С учетом вышеизложенного Суд приходит к выводу о том, что время, затраченное на рассмотрение жалобы на постановление о продлении срока содержания под стражей от 6 апреля 2004 г., было излишним. Поэтому имелось нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции в этой части.

(iv) Судебные разбирательства, касающиеся содержания заявителя под стражей с 8 июня по 10 сентября 2004 г.

109. Заявитель жаловался на то, что он не был вызван в заседание от 8 июня 2004 г., когда Мещанский районный суд выносил решение о продлении срока его содержания под стражей, хотя сторона обвинения в нем присутствовала (см. выше пункт 25). Правительство возражало, что заявитель и его адвокаты не были вызваны, поскольку данное заседание касалось другого уголовного дела (Ходорковского и Крайнова). Однако, по мнению Суда, этот факт не имеет большого значения: даже хотя технически данное заседание проводилось в контексте другого уголовного дела, решение суда также непосредственно касалось заявителя. Нет ничего, что позволяло бы предположить, что суд не мог предвидеть такое развитие событий или был неспособен отложить заседание для обеспечения личного присутствия заявителя.

110. Далее Правительство утверждало, что 8 июня 2004 г. суд только подтвердил действие ранее избранной меры пресечения.

Можно понять, что Правительство полагает, что требования Статьи 5 § 4 были соблюдены разбирательством, проходившим 6 апреля 2004 г.

111. С точки зрения Суда это решение само по себе не лишает заявителя его прав в соответствии со Статьей 5 § 4. Действительно, 6 апреля 2004 г. Мещанский районный суд постановил, что заявитель должен оставаться под стражей в ходе судебного процесса, и это решение являлось законным основанием для продолжения содержания заявителя под стражей в течение следующих 6 месяцев (см. ст. 255 УПК РФ, процитированную выше в пункте 32). 15 апреля 2004 г. суд отклонил поданное защитой ходатайство об освобождении.

112. Однако, с течением времени основания для предварительного содержания под стражей по своей природе подвержены изменениям, даже если «законное основание» содержания под стражей продолжает существовать. В настоящем деле с того момента, как Мещанский районный суд решил исследовать вопрос продолжения содержания заявителя под стражей, прошло более 7 недель. Кроме того, внутреннее законодательство обязывает суд по собственной инициативе вернуться к вопросу содержания под стражей (см. возражения Правительства по этому вопросу; см. также ст. 231 УПК РФ, процитированную выше в пункте 32). В таких обстоятельствах Суд считает, что заявитель имел право на надлежащее судебное рассмотрение вопроса о законности его содержания под стражей, со всеми гарантиями, косвенно предоставляемыми Статьей 5 § 4 Конвенции.

113. Суд повторяет, что, как правило, заключенный должен иметь право участвовать в заседании, где обсуждается вопрос содержания его под стражей (см. выше пункт 77). Могут существовать исключения из этого правила: Суд отмечает в этой связи, что «с целью определения того, предоставляет ли то или иное разбирательство достаточные гарантии, нужно учитывать конкретный характер обстоятельств, в которых данное разбирательство происходит» (см. *Van Droogenbroeck против Бельгии*, постановление от 24 июня 1982 г., серия А № 50, стр. 24, § 47). Личное присутствие заключенного требуется всегда, когда суд должен рассматривать его личность, риск того, что он скроется или его предрасположенность к продолжению занятия преступной деятельностью, когда суд изменяет основание для содержания под стражей или когда он продлевает содержание под стражей после прохождения значительного периода времени (см. вышеуказанное постановление по делу *Граужиниса*, §§ 33-34; см. также вышеуказанное постановление *Мамедова против России*, § 75). Суд отмечает, что постановление от 8 июня 2004 г. не содержало никакого обоснования в поддержку решения суда о продлении срока содержания заявителя под стражей. В данных обстоятельствах Суд признает, что вопросы, обсуждавшиеся на заседании 8 июня 2004 г.,

требовали не только присутствия его адвокатов, но и его личного присутствия.

114. Наконец, Суд отмечает, что адвокаты заявителя присутствовали на заседании суда кассационной инстанции 29 июля 2004 г. Суд считает, что в принципе суду кассационной инстанции, рассматривающему постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу/продлении срока содержания под стражей, вынесенное нижестоящим судом, позволительно заслушивать лишь адвоката заключенного. Однако, это справедливо только тогда, когда заседанием в суде первой инстанции предлагались достаточные процессуальные гарантии. В настоящем деле заявитель отсутствовал на заседаниях в судах обеих инстанций, а его адвокаты присутствовали только в суде кассационной инстанции. Кроме того, жалоба была рассмотрена через 50 дней после заседания 8 июня 2004 г. В подобных обстоятельствах Суд приходит к выводу о том, что присутствие адвокатов заявителя в суде кассационной инстанции не исправило обжалуемую ситуацию.

115. Подводя итог, Суд приходит к выводу о том, что заявитель был лишен действенной проверки законности его продолжающегося содержания под стражей. Соответственно, он признает, что имелось нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции.

IV. ИМЕЮЩЕЕСЯ ПО МНЕНИЮ ЗАЯВИТЕЛЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ПРАВО НА ПОДАЧУ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЖАЛОБ (СТАТЬЯ 34 КОНВЕНЦИИ)

116. Заявитель утверждал, что с 22 марта по 12 апреля 2004 г., когда он находился под стражей, ему не разрешалось встречаться с одним из своих адвокатов, госпожой Липцер, которая представляла его в Суде. Он утверждал, что это составляло вмешательство в его право на подачу индивидуальных жалоб, гарантированное Статьей 34 Конвенции. В части, относящейся к настоящему случаю, Статья 34 гласит:

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, ... которые утверждают, что явились жертвами нарушения ... их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

117. По словам Правительства, госпожа Липцер просила о встрече с заявителем дважды: 23 и 30 марта 2004 г. Однако, она не получила надлежащего разрешения из суда; соответственно, администрация следственного изолятора не позволила ей встретиться с заявителем. Как только она получила разрешение из суда, ей был предоставлен доступ к клиенту. Кроме того, в течение этого периода заявитель

несколько раз встречался с другими своими адвокатами, а именно Красновым В.Н., Ривкиным К.Е., Бару Е.А., Львовой Е.Ю., Симоновой Т.П., Шаровым Г.К. В заключение, Правительство отрицает какое-либо вмешательство в права заявителя по Статье 34 Конвенции.

118. Суд повторяет, что право на подачу индивидуальных жалоб по Статье 34 Конвенции будет действенным только в том случае, если заявитель может общаться с Судом свободно, без какого-либо давления со стороны властей (см. *Акдивар [Akdivar] и другие против Турции*, № 21893/93, *Отчеты* 1996-IV, § 105). В данном контексте «давление» включает в себя не только прямое принуждение, но и другие ненадлежащие косвенные действия, направленные на то, чтобы убедить заявителей отказаться от использования средства правовой защиты в рамках Конвенции, такие как меры, ограничивающие контакты заявителя со своими адвокатами (см. вышеуказанное постановление по делу *Аджалана*, §§ 197 и последующие) или иным образом вмешивающиеся в их профессиональную деятельность. Исследуя вопрос о том, находилась ли конкретная мера, примененная властями, в соответствии со Статьей 34, Суд иногда рассматривает практическое влияние этой меры на способность заявителя пользоваться своим правом на подачу жалобы (см. *Ахмет Азканет [Ahmet Özkanet] и другие против Турции*, № 21689/93, §§ 416 и 417, 6 апреля 2004 г.). Однако, в определенных случаях Суд признал нарушение этого положения даже в отсутствие какого-либо очевидного негативного влияния обжалуемой меры (см. *МакШэйн [McShane] против Соединенного Королевства*, № 43290/98, § 151, 28 мая 2002 г.).

119. Обращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что одному из адвокатов заявителя пришлось получить определенные дополнительные разрешения, чтобы иметь возможность с ним встретиться. В принципе, избыточные формальности в таких вопросах могут де факто препятствовать будущему заявителю эффективно пользоваться своим правом на подачу индивидуальной жалобы. Однако, представляется, что в данном случае соблюсти внутренние формальности было достаточно легко, и эта проблема было быстро разрешена. Более того, в течение рассматриваемого периода заявитель несколько раз встречался с другими своими адвокатами, в частности, с господином Бару, который также представлял его интересы в Суде. Обжалуемые ограничения длились менее трех недель, и ничто не позволяет предположить, что оно оказало какое-либо негативное влияние, теоретическое или практическое, на разбирательство в Суде. В таких обстоятельствах Суд приходит к выводу о том, что нарушения Статьи 34 не было.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

120. Статья 41 Конвенции предусматривает:

Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

121. Правительство возражало, что требования о справедливой компенсации не содержали ни указания фамилии заявителя, ни ссылки на номер жалобы. Суд учитывает возражения Правительства в этой связи; однако, несмотря на это упущение со стороны адвокатов заявителя, Суд признает, что данные поданные требования относятся к настоящему делу. Поэтому он исследует доводы сторон по Статье 41 по существу.

A. Ущерб

1. Материальный ущерб

122. Заявитель потребовал 1 055 906 долларов США в отношении материального ущерба, понесенного в связи с незаконным содержанием под стражей и отсутствием возможности заниматься профессиональной деятельностью. Эта сумма была рассчитана Заявителем исходя из его годового дохода, заявленного в декларации о доходах за 2002 г. – год, предшествовавший его аресту. В поддержку своего требования он представил копию своей налоговой декларации, где он указал, что в 2002 г. он получил 30 680 967 рублей или 974 680 долларов США дивидендов от гибралтарской компании «Group Menater Limited».

123. Правительство утверждало, что требования заявителя были «необоснованными и неоправданными». Они отметили, что 25 ноября 2004 г. и 18 мая 2006 г. Суд объявил большинство пунктов его жалобы неприемлемыми. Кроме того, оно возражало, что его способ расчета понесенного материального ущерба был неправильным и не имел никакого отношения к реальным источникам его дохода.

124. Что касается якобы нанесенного материального ущерба, Суд не усматривает причинной связи между утверждаемыми заявителем материальными потерями и нарушениями, признанными в настоящем деле. Поэтому Суд решает, что требования заявителя в данной части подлежат отклонению.

2. Моральный ущерб

125. Заявитель также потребовал 300 000 евро в качестве морального ущерба. Он утверждал, что его право на свободу было нарушено в течение 13 месяцев содержания под стражей в суровых условиях. Он подчеркивал, что его страдания были усилены его плохим состоянием здоровья.

126. Правительство посчитало эти требования необоснованными и чрезмерными. Оно также отметило, что срок, проведенный заявителем в предварительном заключении, был засчитан в срок его наказания.

127. Суд отмечает, что жалоба в части Статьи 3 (в отношении условий его содержания и утверждаемого отсутствия медицинской помощи) и Статьи 5 § 3 (в отношении продолжительности содержания его под стражей) была объявлена неприемлемой. С другой стороны, Суд признает, что резонно полагать, что заявитель испытал определенные страдания и разочарования, вызванные дефектами разбирательств по мере пресечения, а особенно в результате несанкционированного содержания под стражей с 31 марта по 6 апреля 2004 г. Поэтому, руководствуясь требованиями справедливости, как того требует Статья 41 Конвенции, Суд присуждает заявителю 3 000 евро в качестве морального ущерба плюс любые налоги, которые могут быть начислены на эту сумму.

В. Расходы и издержки

128. Заявитель потребовал возмещения оплаты гонорара его адвоката в размере 28 285 евро. В поддержку он представил соглашение между госпожой Липцер и господином Виктором Лебедевым на представление интересов господина Платона Лебедева в Европейском Суде. Данное соглашение касалось имевшего место, по мнению заявителя, нарушения Статей 3 и 5 Конвенции. Заявитель также представил справку из Адвокатской конторы № 10, подтверждающую, что с февраля по июнь 2004 г. госпожа Липцер получила 990 190 рублей за работу по делу заявителя.

129. Правительство утверждало, что требования заявителя о возмещении расходов и издержек не были необходимыми и разумными, поскольку выходят далеко за пределы «среднего уровня [стоимости] услуг адвоката». Правительство отметило, что данное соглашение с адвокатами был подписано не самим заявителем, а братом заявителя господином Виктором Лебедевым.

130. Суд повторяет, что возмещению в рамках Статьи 41 Конвенции подлежат только расходы и издержки на юридическую помощь, которые действительно были понесены и были необходимы и разумны в количественном отношении (см., например, *Сташауитис*

[*Stašaitis*] против Литвы, № 47679/99, §§ 102-03, 21 марта 2002 г.; см. также *МакШэйн и другие против Соединенного Королевства*, постановление от 27 сентября 1995 г., серия А № 324, § 220).

131. Суд считает, что, хотя соглашение с адвокатом и было подписано братом заявителя, это было сделано в интересах заявителя. Более того, все говорит в пользу того, что указанная в соглашении сумма (990 190 рублей) была выплачена за работу, проделанную адвокатом заявителя по настоящему делу. Иными словами, данная сумма была «действительно понесена». Суд далее отмечает, что общий проделанный адвокатом заявителя объем работы был значительным. Однако, по большинству пунктов жалоба заявителя на основании Конвенции была отклонена. В таких обстоятельствах Суд считает, что заявитель может требовать только часть суммы, фактически выплаченной своему адвокату. С учетом имеющихся у него данных, Суд присуждает заявителю 7 000 евро плюс любые налоги, которые могут быть начислены на эту сумму.

С. Пени

132. Суд считает, что пени должны начисляться исходя из максимальной процентной ставки по кредитам Европейского Центрального банка плюс три процента.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД

1. Единогласно *отклоняет* предварительные возражения Правительства, касающиеся исчерпания средств правовой защиты внутри страны и статуса заявителя как жертвы;
2. Единогласно *постановляет*, что имелось нарушение Статьи 5 § 1 (с) Конвенции в отношении содержания под стражей без судебного решения с 31 марта по 6 апреля 2004 г.;
3. *Постановляет* четырьмя голосами против трех, что имелось нарушение Статьи 5 § 3 Конвенции в отношении содержания заявителя под стражей с 3 июля по 28 августа 2003 г.;
4. *Постановляет* пятью голосами против двух, что имелось нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции в отношении задержки в рассмотрении постановления о продлении срока содержания под стражей от 26 декабря 2003 г. Московским городским судом;

5. Единогласно *постановляет*, что имелось нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции в отношении задержек в рассмотрении постановления о продлении срока содержания под стражей от 6 апреля 2004 г. Московским городским судом;
6. Единогласно *постановляет*, что имелось нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции в отношении отсутствия заявителя на заседании по продлению срока содержания под стражей 8 июня 2004 г.;
7. Единогласно *постановляет*, что временная неспособность заявителя встречаться с одним из его адвокатов не составляет в настоящих обстоятельствах невыполнения Государством его обязательства в рамках Статьи 34 Конвенции;
8. Единогласно *постановляет*
 - (а) что Государство-ответчик выплачивает заявителю в течение трех месяцев с даты вступления данного постановления в законную силу в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции следующие суммы, отконвертированные в национальную валюту Государства-ответчика по курсу на день оплаты:
 - (i) EUR 3,000 (три тысячи евро) в отношении морального ущерба;
 - (ii) EUR 7,000 (семь тысяч евро) в отношении издержек на защиту;
 - (iii) любые налоги, которые могут начисляться на вышеуказанные суммы.
 - (б) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев и до момента производства выплаты на вышеуказанные суммы начисляются простые проценты из расчета максимальной процентной ставки по кредитам Европейского Центрального банка плюс три процента за весь период просрочки;

9. Единогласно *отклоняет* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке в письменной форме 25 октября 2007 г. в соответствии с Правилами 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сорен НИЛЬСЕН
Секретарь

Кристос РОЗАКИС
Президент

В соответствии со Статьей 45 § 2 Конвенции и Правил 74 § 2 Регламента Суда, к настоящему постановлению прилагаются следующие особые мнения:

(a) частичное особое мнение господина Ковлера, господина Хаджиева и господина Йебенса;

(b) частичное особое мнение господина Ковлера и господина Йебенса.

К.Л.Р.
С.Н.

ЧАСТИЧНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ КОВЛЕРА, ХАДЖИЕВА И ЙЕБЕНСА

К своему сожалению, мы не разделяем мнения большинства о том, что имелось нарушение прав заявителя по Статьей 5 § 3 Конвенции в отношении отсутствия адвокатов заявителя на заседании по мере пресечения 3 июля 2003 г.

Прежде всего, мы напоминаем, что Статья 5 § 3 (как и § 4 этого положения Конвенции) не содержит никакого непосредственного упоминания права на юридическую помощь, в отличие от Статьи 6 § 3 (с), ср. со Статьей 6 § 1, которая применяется, когда решается вопрос об уголовном обвинении. Действительно, в указанном в настоящем постановлении недавнем деле *Аджалан против Турции* Суд признал, что при определенных обстоятельствах заключенный должен иметь доступ к адвокату с целью обжалования своего содержания под стражей. Так, в деле *Аджалана* Суд пришел к выводу о том, что заявитель нуждался в юридической помощи, поскольку содержался в полной изоляции, не имел никакого юридического образования и не имел возможности консультироваться с адвокатом, находясь в заключении в полиции. Статья 5 также может призывать к присутствию адвоката, когда заключенный является несовершеннолетним или душевнобольным (см. вышеуказанные в тексте постановления дела *Буамара и Мегуери*). Однако, мы не усматриваем никаких «особых обстоятельств» в настоящем деле, которые вызвали бы к обязательной юридической помощи, как в вышеуказанных делах. Ничто не предполагает, что заболевание заявителя было таковым, что мешало его эффективному участию в разбирательстве по мере пресечения. Заявитель имел возможность проконсультироваться со своими адвокатами, хотя бы кратко, когда ему были предъявлены обвинения. Состояние его психики, его образование и профессиональный опыт позволяли ему понимать, что происходило в зале судебного заседания, и выдвигать доводы в свою защиту.

Действительно, судья продемонстрировал определенную суровость, не позволяя адвокатам войти в зал судебного заседания после их прибытия. Тем не менее, такое решение может быть разумно объяснено интересами правосудия. Суд неоднократно повторял, что разбирательства по мере пресечения требуют особой быстроты. Разница целей объясняет, почему Статья 5 содержит более гибкие процессуальные требования, чем Статья 6, будучи более жесткой в отношении безотлагательности. Именно судья, в конечном итоге, стоит на страже порядка в зале судебного заседания, и именно ему решать, должно ли разбирательство прерываться или откладываться из-за того, что одна из сторон не явилась вовремя.

В данных обстоятельствах мы не считаем, что решение судьи рассмотреть дело было произвольным. Мы отмечаем, что со 2 июля 2003 г. адвокаты заявителя знали, что их подзащитному грозят серьезные обвинения, и что судом в отношении него может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Соответственно, они не были неподготовлены к такому развитию событий. Внутреннее законодательство предусматривает, что ходатайство государственного обвинителя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу должно быть рассмотрено судом в течение 8 часов с момента его получения (см. пункт 33 настоящего постановления). Как следует из постановления суда (процитированного в пункте 13 настоящего постановления), суд ждал адвокатов заявителя и начал заседание только в 17.50 – на час и двадцать минут позже, чем было назначено. Заявитель не представил никакого объяснения по поводу того, почему его адвокаты не могли обеспечить свое присутствие в обстоятельствах данного дела: они были уведомлены о заседании примерно за 2 часа, и ничто не говорит о том, что имелись какие-либо препятствия, не дававшие им прибыть в суд вовремя. В подобных обстоятельствах было бы слишком требовать от судьи большей гибкости. Мы бы хотели сослаться в этой связи на хорошо известную практику настоящего Суда, которая подтверждает, что Государство не может считаться виновным за каждое нарушение со стороны адвоката, назначенного для целей оказания юридической помощи (см. *Камасинский [Kamasinski] против Австрии*, постановление от 19 декабря 1989 г., серия А № 168, § 65) или выбранного обвиняемым (см. *Имбриошия [Imbrioscia] против Швейцарии*, постановление от 24 ноября 1993, серия А № 275, § 41).

Действительно, в недавнем деле *Истратий и другие против Молдовы* (на которое опирается настоящее постановление) полагается, что вмешательство в конфиденциальность общения адвоката и клиента может нарушать Статью 5. Однако, по нашему мнению данный прецедент неприменим к настоящей ситуации. Неспособность заявителя консультироваться со своими адвокатами явилась результатом не определенных мер безопасности, как это было в деле *Истратий и другие*, а неявки адвокатов своевременно в суд.

Подводя итог, мы считаем, что Государство не может быть обвинено в прибытии адвокатов в суд на заседание 3 июля 2003 г. с опозданием. Что же касается решения суда не впустить адвокатов, это решение не было неоправданным и как таковое находилось в рамках усмотрения судьи национального суда. По нашему мнению, оспаривая это решение судьи, большинство зашло слишком далеко.

По вышеуказанным причинам мы уверены, что права заявителя по Статье 5 § 3 нарушены не были.

ЧАСТИЧНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ КОВЛЕРА И ЙЕБЕНСА

Мы не можем присоединиться к выводу большинства о том, что имелось нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции в том, что касается задержек в рассмотрении постановления о продлении срока содержания под стражей от 26 декабря 2003 г. Московским городским судом.

Прежде всего, мы считаем, что власти были ответственны только за 14, а не за 27 дней из общей продолжительности кассационного разбирательства. «Предварительная жалоба» на постановление от 26 декабря 2003 г. была подана адвокатом 29 декабря 2003 г. Однако, она не содержала подробного обоснования, поскольку протокол судебного заседания еще не был предоставлен защите. Протокол судебного заседания был подписан 5 января 2004 г., но адвокат заявителя получил его копию лишь 14 января. Возражения защиты поступили в суд только 22 января 2004 г., и были рассмотрены в тот же день. Таким образом, около 10 дней из этого периода могут быть отнесены на счет властей. 23 января адвокаты представили полную версию жалобы. 5 февраля 2004 г. сам заявитель представил дополнительные доводы, которые были получены судом 6 февраля 2004 г. 9 февраля 2004 г. Московский городской суд исследовал оба набора поданных документов и отклонил жалобу. Следовательно, с 23 января по 9 февраля только 4 дня могут быть отнесены на счет властей.

Кроме того, мы полагаем, что фактические и правовые вопросы, исследованные в заседании по мере пресечения от 26 декабря 2003 г., представляли значительную сложность. Суд отмечал в этой связи, что в определенных случаях «сложность ... вопросов, вовлеченных в определение того, подлежит ли лицо заключению под стражу или освобождению, может быть фактором, могущим быть принятым во внимание при оценке соблюдения требований Статьи 5 § 4 (см., с необходимыми изменениями, *Барановский против Польши* [Большая Палата], № 28358/95, § 72, ЕСПЧ 2000-III, и *Мусиаль [Musiał] против Польши* [Большая Палата], № 24557/94, § 43, ЕСПЧ 1999-II).

Наконец, мы подчеркиваем, что обжалуемая задержка произошла в разбирательстве в суде второй инстанции. Суд кассационной инстанции должен был исследовать вынесенное судом первой инстанции постановление о продлении срока содержания под стражей в рамках процедуры судебного характера. По нашему мнению, требование «безотлагательности» по Статье 5 § 4 не должно применяться к кассационному производству так же неукоснительно, как и к разбирательству в суде первой инстанции. В данных обстоятельствах две недели, прошедшие до разбирательства по кассационной жалобе, не являлись нарушением Статьи 5 § 4.